

**В. А. Рудковский**

## **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОЗИТИВНЫМ СВОЙСТВОМ СУБЪЕКТОВ ПРАВА?**

Статья посвящена критическому анализу концепции позитивной юридической ответственности. Демонстрируется научная и практическая значимость традиционного юридического понимания ответственности и неконструктивность попыток его коренного пересмотра.

*Ключевые слова:* позитивная юридическая ответственность, законодатель, закон, субъект права.

**V. A. Rudkovsky**

## **IS LEGAL LIABILITY REALLY AN EXCEPTIONALLY POSITIVE PROPERTY OF A SUBJECT OF LAW?**

The article is devoted to the critical analysis of the concept of positive legal liability. The scientific and practical importance of traditional juridical understanding of liability is revealed as well as the nonconstructivity of the endeavours made to radically reconsider it.

*Keywords:* positive legal liability, lawmaker, law, subject of law.

В преамбуле Конституции РФ, в частности, говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации ... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации».

Ст. 54 Конституции РФ гласит: «1. Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. 2. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Хотя в обоих случаях говорится об ответственности, ясно, что речь идет о разных явлениях.

В преамбуле Конституции ответственность упоминается в качестве одного из мотивов принятия Основного Закона. Чем руководствовался многонациональный народ России, принимая Конституцию РФ? Он исходил, в частности, из чувства (сознания) ответственности

за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Чувство (сознание) ответственности — один из характерных мотивов поведения человека, соизмеряющего свои поступки и их возможные последствия с требованиями социальных норм. Оно выражает устойчивую потребностно-мотивационную ориентацию субъекта на исполнение своего гражданского долга, нравственных, правовых и иных обязанностей. Указанное чувство присуще и любящему родителю, заботящемуся о судьбе своих детей, и рачительному хозяину, бережно относящемуся к своему имуществу, и государственному деятелю, обремененному многочисленными обязанностями общественного служения, и др. В градации социальных чувств чувство ответственности, бесспорно, должно быть отнесено к так называемым высшим чувствам, наряду с чувством чести, справедливости и др. Как и последние, чувство ответственности является продуктом социализации человека, результатом усвоения известных ценностей и норм, определяющих его отношение к другим людям (обществу, государству) и самому себе.

В ином свете предстает ответственность в контексте ст. 54 Основного Закона. Здесь ответственность выступает в виде особого законодательного установления, нормы объективного права, и в качестве таковой существует независимо от чьих-либо субъективных представлений, переживаний, чувств, независимо вообще от того, сознает отдельный субъект сам факт установленной законом ответственности, или не сознает, относится к нему положительно, отрицательно или еще как-либо. Конституционный законодатель вполне определенно связывает наступление ответственности с совершением правонарушения и особо оговаривает требования, касающиеся обратной силы закона, устанавливающего, отягчающего, устраняющего или смягчающего ответственность.

Надо сказать, что подобные примеры использования законодателем выражения «ответственность» не единичны. Так, в Федеральном законе РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местное самоуправление определяется как «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций». В то же время глава 10 указанного Закона посвящена вопросам ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами. Закон регламентирует основания указанной ответственности, порядок ее реализации и т. д. [1].

Ответственность в смысле осознания субъектом своего социально-правового долга, добровольного и высокосознательного осуществления предписаний правовых норм, субъективных прав и обязанностей в юридической литературе получила наименование позитивной (перспективной) юридической ответственности.

Ответственность же в виде предусмотренной законом (договором) обязанности претерпеть определенные лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение называют негативной (ретроспективной) юридической ответственностью.

Содержание и соотношение позитивной и негативной ответственности остается предметом острой дискуссии в нашей науке на протяжении нескольких десятилетий [2, с. 14—63]. Что стоит за указанными терминами — специфические стороны (аспекты, формы проявления и пр.) сущности единого правового феномена или все же разные по своей сути явления?

Анализируя состояние ведущейся полемики вокруг понятия позитивной ответственности в праве, О. Э. Лейст приходил к выводу, что «распространение идеи «правовой позитивной ответственности» пока что не вышло за пределы узкого круга специалистов-теоретиков и практически выглядит как уговаривание одних правоведов другими правоведами относиться к запретам, обязанностям и правопорядку с уважением» [3, с. 254].

Однако публикации последних лет свидетельствуют о том, что ситуация в указанной сфере меняется. Идея позитивной ответственности получает все большее признание среди правоведов и активно используется не только в монографических и иных специальных работах [4], но и в учебной литературе [5]. То есть она все-таки вышла за рамки узкого круга специалистов. Более того, если до недавнего времени камнем преткновения был вопрос о правомерности включения в содержание юридической ответственности так называемого позитивного аспекта, само же традиционное понимание юридической ответственности как последствия правонарушения оставалось в принципе неизменным, то сегодня наблюдается противоположная тенденция. Суть ее состоит в том, что традиционное видение юридической ответственности признается не только неполным, односторонним и т. п., но и в сущности неверным. И хотя последняя точка зрения пока не получила широкого распространения, она, как и любая

крайность, заслуживает особого внимания, поскольку высвечивает такие аспекты концепции позитивной правовой ответственности, которые в рамках «умеренных» или «компромиссных» теорий позитивно-негативной ответственности обычно присутствуют в своеобразном завуалированном виде.

Последовательным сторонником коренного пересмотра теории юридической ответственности является, в частности, А. С. Бондарев. В своих многочисленных публикациях он пытается доказать, что юридическая ответственность является исключительно позитивным свойством субъектов права и «что юридической ответственности в ретроспективном аспекте не существует в природе современного общества» [6, с. 134]. Причину подобного заблуждения автор видит в том, что ученые-юристы, отстаивающие понимание ответственности как реакции на правонарушение, игнорировали в своих исследованиях положения философии и социологии относительно природы социальной ответственности как родового понятия. Следствием этого явилось отождествление юридической ответственности с наказанием. Радикально указанное заблуждение может быть преодолено, полагает А. С. Бондарев, если современные юристы отойдут от советской традиции в трактовке юридической ответственности и при решении этого вопроса будут опираться на философско-социологические исследования и работы дореволюционных авторов.

Что же представляет собой юридическая ответственность? Это «правовое свойство (качество) самого субъекта права, содержательно выраженное в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, осмыслении ценности их для собственных и общественных интересов, положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого воплощения их в своем правомерном поведении» [7, с. 136]. Юридическая ответственность, подчеркивает А. С. Бондарев, это «живое» правовое явление. Она неотделима

от субъекта права. С исчезновением последнего исчезает и его юридическая ответственность.

Свойство юридической ответственности присуще далеко не всем субъектам права. Им обладают только субъекты социально-активного и привычного правомерного поведения. Маргиналы, конформисты, тем более правонарушители, обладают другим свойством — безответственностью.

Именно безответственность и является антиподом юридической ответственности [8, с. 136, 143].

Хотя А. С. Бондарев говорит о неразрывной связи внутренней и внешней сторон ответственности, в действительности внешняя сторона (поведение субъекта) не играет в его концепции какой-то самостоятельной роли и оказывается не более чем проекцией субъективных состояний личности. Об этом недвусмысленно говорит и сам автор: «Правомерное поведение субъектов права, таким образом, не всегда бывает юридически ответственным именно из-за того или иного дефекта его психологической стороны: простого незнания тех или иных статусных обязанностей; неверной оценки их значения для себя и общества; неумения пользоваться источниками права; нерешительности в принятии правовых решений и слабости в их реализации; безразличия, а то и враждебного отношения к праву вообще или к тем или иным правовым нормам, их институтам и т. д. Таковыми являются конформистское и маргинальное правомерное поведение субъектов права. Они наряду с правонарушениями суть свидетельства юридической безответственности данных субъектов права» [9, с. 136].

Иными словами, «живет» юридическая ответственность все же исключительно в сознании субъектов права. Она либо есть, либо ее нет. Поэтому привлечь к юридической ответственности, а также освободить от нее, по мнению автора, невозможно в принципе. «Правонарушителей (лиц, пораженных юридической безответственностью) можно и нужно привлекать только к юридическому ответу, а не к ответственности и юридическому наказанию, и освобождать их нужно не от

юридической ответственности (от которой они и так во многом свободны, ее у них не воспитали), а от юридического наказания полностью или частично по тем или иным юридическим основаниям» [10, с. 23].

В конечном счете, юридическая ответственность оказывается своеобразным эксклюзивным психологическим свойством только тех субъектов права, которые обладают в высшей степени развитым, так называемым «нормальным правосознанием». И если принять во внимание, что правосознание значительного числа граждан современной России, не исключая и юристов, в той или иной мере страдает различного рода дефектами (например, пробельностью), то следует заключить, что юридическая ответственность является большой редкостью в нашей стране. Во всяком случае, вне сферы указанной ответственности находятся правонарушители, а также те субъекты правовой жизни, которые хотя и ведут законопослушный образ жизни, но в силу каких-то причин не имеют достаточного объема юридических знаний, не умеют правильно пользоваться конституцией, законодательством и другими источниками права, неадекватно оценивают свой правовой статус и т. д.

С таким пониманием юридической ответственности согласиться никак нельзя. И не только в силу его психологизма и субъективизма, но главным образом потому, что оно совершенно не учитывает специфику той социальной реальности, элементом которой является юридическая ответственность.

И. А. Ильин определял нормальное правосознание «как особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)» [11, с. 166]. Правда, философ тут же оговаривался, что «этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное» [12, с. 166]. В действительности же многие люди не только не знают действующее право в необходимой мере, но и не понимают его истинного значения. И тем не менее такое незнание и непонимание вовсе не отменяют права (и всех его институтов) как объективно

значимого фактора социальной жизни. В этом, по мнению И. А. Ильина, может убедиться каждый человек, впервые встречающийся с правовым регулированием.

«И первое, на что наталкивается его сознание, это то, что все эти характеристики, последствия, выводы и т. д. сохраняют свое значение даже в том случае, если он их не захочет признать и если он будет действовать так, как будто он о них ничего не знал или как будто бы их «вовсе не было». Оказывается, что «значение» их не нуждается в его сознании, согласии и признании... Он видит, что его жизнь оплетена какой-то сетью так, что он фактически может с нею не считаться, но что она от этого не порывается и не исчезает» [13, с. 176—177].

Попытки представить юридическую ответственность в виде особого свойства (качества) самого субъекта права, отождествить ее содержание с состоянием его сознания и воли, связать данное понятие с исключительно позитивными установками личности и т. п. игнорируют тот факт, что *право социально и институционально по своей природе*. Субъект может знать или не знать действующее право, принимать или не принимать его предписаний, но право от этого «не исчезает» и не утрачивает своего регулятивного значения. Эта объективность права и связанных с его действием юридических последствий человеческого поведения и есть то «первое, на что наталкивается» сознание субъекта.

Если право сохраняет объективное значение регулятора общественных отношений независимо от субъективного отношения к нему конкретного индивида, то указанным свойством, по-видимому, должна обладать и юридическая ответственность. В противном случае пришлось бы утверждать, что уголовное, гражданское, административное и другие отрасли права существуют объективно в виде системы соответствующих норм, а аналогичные виды ответственности присутствуют только в сознании субъектов уголовно-правовых, гражданских и прочих отношений. Из этого далее следовало бы заключить, что, например, уголовная ответственность определяется не нормами уголовного права, а степенью зрелости

уголовного правосознания субъекта, что указанная ответственность является не уголовно-правовым институтом, а свойством конкретного субъекта уголовного права и т. д. Такой подход по существу означал бы отрицание социально-нормативной природы юридической ответственности и ее отождествление с индивидуальными чувствами, переживаниями, представлениями и прочими явлениями, отражающими состояние и особенности механизма психической регуляции поведения субъектов общественных отношений.

Между тем юридическая ответственность — это прежде всего особый правовой институт. И в качестве такового она сохраняет все важнейшие свойства права как специфического регулятора общественных отношений. Она нормативна, формально определена, опирается на возможность принудительного осуществления и т. д. Именно эти (и другие) свойства и позволяют говорить о юридической ответственности как особой разновидности социальной ответственности.

Как и право в целом, юридическая ответственность выражает объективную потребность в сохранении и упрочении такого социального порядка, при котором были бы публично гарантированы, по крайней мере, наиболее важные условия нормальной жизнедеятельности индивида и общества (жизнь, собственность, личная неприкосновенность, определенный государственный строй и пр.). По мере развития общества, его интеллектуального и нравственного взросления перечень этих условий (благ) меняется. Качественно обновляется и сама юридическая ответственность: ее основания, порядок осуществления, права и обязанности сторон и т. д. Но в общем и целом юридическая ответственность всегда остается своеобразным форпостом на пути проявления наиболее вредоносных интересов. Она срабатывает в тех случаях, когда отказывают механизмы моральной и иной социальной ответственности и индивидуальный эгоизм выходит за рамки официально допустимых правовых границ, угрожая безопасности других людей, общества,

государства. В таких случаях «эта безопасность, не обеспеченная законом нравственным самим по себе, который не существует для людей с преобладающими противообщественными инстинктами, ограждается законом принудительным, который имеет действительную силу и для них» [14, с. 330].

По общему правилу, эти правовые границы, определяющие сферу индивидуального произвола, настолько очевидны для каждого психически здорового человека, что их понимание и соблюдение вовсе не требует от индивида каких-то сверхъестественных интеллектуальных усилий, особого эмоционально-волевого напряжения и т. д. Для того чтобы люди не убивали, не насиловали, не грабили и т. д. друг друга, вовсе не обязательно знание соответствующих статей уголовного закона. В некоторых странах и сегодня существует практика осуществления правосудия лицами, не имеющими юридического образования. В известном смысле она используется и в России в виде суда присяжных. Означает ли это, что правосудие в таких случаях творится юридически безответственными субъектами?

Разумеется, нет. Способность оценивать свое собственное и чужое поведение на предмет его соответствия основополагающим нравственно-правовым императивам отнюдь не является исключительным свойством исключительных людей. Никакой правопорядок не смог бы существовать и развиваться, если бы общество в своей основной массе не разделяло его требований и не претворяло их в жизнь. Поэтому в действительности оказывается, что так называемая *позитивная ответственность является не исключением, а правилом общественной жизни и основой правового регулирования.*

Приступая к регулированию тех или иных общественных отношений, законодатель исходит из того, что большинством граждан устанавливаемые требования будут восприняты положительно. Основанием подобной уверенности является общая позитивная направленность правового регулирования, его нацеленность на достижение определенных социально полезных

результатов. Жизненный опыт, воспитание, существующая практика подсказывают индивиду, что жить в согласии с законом гораздо комфортнее и безопаснее, нежели находиться с ним в постоянном конфликте. Прагматичные мотивы подкрепляются и соответствующими морально-этическими принципами (нарушать взятые обязательства не только невыгодно, но и морально предосудительно, и пр.). Все это ведет в конечном счете к преобладанию в общественном сознании позитивно-правовых установок или, выражаясь другими словами, позитивной ответственности. При этом в юридической сфере, в отличие, например, от нравственности, *позитивная ответственность презюмируется*. Предполагается, что психически здоровые, достигшие соответствующего возраста члены общества способны адекватно оценивать предъявляемые к ним правовые требования и руководствоваться ими в своем поведении. И если субъект ведет себя правомерно, не причиняет вреда охраняемым законом интересам других лиц, общества, государства, то такого субъекта с правовой точки зрения никак нельзя назвать безответственным. Здесь действует общее правило: *quivis praesumitur bonus donec probetur contrarium* — каждый предполагается честным, пока не доказано обратное. «Заключает ли гражданин договор купли-продажи или иную гражданско-правовую сделку, дает ли потерпевший, свидетель показания, приводит ли истец доказательства в обоснование иска, вступают ли юноша и девушка в брак, во всех случаях они предполагаются добропорядочными, не имеющими дурных помыслов» [15, с. 107].

Известно, что право, определяя границы поведения субъекта, оставляет широкий простор для внутренних проявлений личности. В свое время в отечественной литературе активно пропагандировалась мысль К. Маркса о том, что «помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом» [16, с. 14]. Задолго до К. Маркса на это указывали и многие другие мыслители. В частности, И. Кант подчеркивал, что для права

важна легальность, а не моральность поступка. «То законодательство, которое делает поступок долгом, а этот долг также мотивом, есть этическое законодательство; то законодательство, которое не включает это условие в закон и, стало быть, допускает и иной мотив, а не самое идею долга, есть юридическое законодательство» [17, с. 126]. Иными словами, право вовсе не требует (но и не запрещает), чтобы субъект соблюдал Конституцию непременно из уважения к ней как Основному Закону, чтобы он строго следовал предписаниям уголовного, гражданского и иного законодательства, исключительно и только во имя господства этого законодательства, и т. д. Мотивация поведения в правовой сфере может быть самой разнообразной. Соблюдая Конституцию, субъект в то же время может находиться в глубоком внутреннем противоречии с ее предписаниями, оценивать их как несправедливые, неразумные, негуманные и пр. Он может выступать с критикой Основного Закона, призывать к его пересмотру, отмене и пр. В конце концов, субъект может оставаться убежденным правовым нигилистом (подобные примеры, причем из числа выдающихся личностей, истории известны). Как оценивать подобные умонастроения и действия с позиций позитивной юридической ответственности? И каков объективный критерий подобной оценки? Вопросы эти не столь безобидны, если учесть, что духовная жизнь современного общества весьма многопланова и неоднородна. Разнообразно и правосознание людей. Достаточно вспомнить о длящейся многие годы полемике по поводу Конституции России, в ходе которой выявились взаимоисключающие позиции: в то время как одни называют Конституцию антинародным актом, другие, напротив, считают ее едва ли не венцом правового развития России.

Ценность юридической ответственности, помимо прочего, состоит в том, что она устанавливается за вполне определенные деяния и тем самым ограждает человека от произвольных оценок его помыслов, чувств, намерений, а в конечном счете, и самого

поведения как позитивно ответственного или безответственного. Пока Раскольников всего лишь рассуждал о «позитивной ответственности» необыкновенных (великих) людей, которые, дескать, не только могут, но и «по совести» обязаны перешагивать через трупы людей обычных во имя осуществления своих идей и замыслов, юридическая ответственность его не касалась. Но как только он от дружеских бесед и журнальных статей перешел к делу и совершил убийство ростовщицы — он вступил в сферу юридической ответственности и наказания. Об этой гарантирующей функции права хорошо сказал В. С. Соловьев: «Ибо человек должен быть нравственным свободно, а для этого нужно, чтобы ему была предоставлена и некоторая *свобода быть безнравственным*. Право в известных пределах обеспечивает за ним эту свободу, нисколько, впрочем, не склоняя пользоваться ею» [18, с. 331].

Как и другие виды социальной ответственности, юридическая ответственность, конечно, немыслима вне живых человеческих индивидов. Это всегда ответственность кого-то, перед кем-то, на основании чего-то и за что-то. В юридической сфере все эти моменты, как известно, строго формализованы, что является гарантией от произвола и иных злоупотреблений.

Если субъект прекращает свое физическое существование (умирает), то, естественно, прерываются и все живые связи с этим лицом. Тем не менее из этого обстоятельства было бы неправильно делать вывод, что «с исчезновением последнего исчезает и его юридическая ответственность». В физическом смысле — да, исчезает. В юридическом же смысле ответственность субъекта в некоторых случаях продолжает «жить» и после его физической смерти. Подтверждением этого является институт правопреемства, суть которого в переходе прав и обязанностей от одного лица к другому. Этот институт действует в национальном и международном праве. С известными ограничениями он распространяется и на отношения ответственности. В частности, ст. 1175

ГК РФ закрепляет норму об ответственности наследников по долгам наследодателя.

Понятно, что подобная норма была бы невозможна, если бы юридическая ответственность являлась свойством самого субъекта права. Ясно и то, что слово «ответственность» в данном случае никак нельзя заменить термином «наказание» или его аналогом.

Однако все эти и им подобные затруднения отпадают сами собой, если принять во внимание социально-институциональную природу права и «прямую объективность его задачи», в силу которой «право ставит объективное осуществление своих предписаний выше субъективного в нем участия лица, к которому эти предписания обращены» [19, с. 266].

Юридическая ответственность оказывается при таком взгляде не свойством субъекта как такового, а свойством тех общественных отношений, которые урегулированы правом и участником которых он является (являлся). Вступая в те или иные правовые отношения, субъект принимает на себя и соответствующую ответственность за надлежащее осуществление своих прав и обязанностей. Потенциально (в виде возможных неблагоприятных последствий) юридическая ответственность сопровождает правоотношение на всем протяжении его существования, являясь его гарантирующим элементом. Реально же она вступает в действие в тех случаях, когда правовые требования нарушаются и тем самым причиняется вред правам и законным интересам других лиц. При этом с точки зрения закона (и управомоченного субъекта), часто вовсе не важно, кто «лично» исполнит то или иное обязательство. Вернет ли долг кредитору непосредственно субъект, который задолжал, или он сделает это через своего представителя, или же, наконец, неисполненное обязательство будет исполнено его наследником — все эти моменты с формально-правовой точки зрения безразличны. Важно, чтобы известное обязательство было исполнено и чтобы известное право получило законное удовлетворение.

Отмеченная особенность юридической ответственности не менее наглядно проявляется и в тех случаях, когда ее осуществление невозможно помимо личного участия правонарушителя. Такая ситуация характерна, например, для уголовной ответственности. И в данном случае вопрос об ответственности отнюдь не является личным делом преступника и меньше всего связан с его субъективным отношением к действующему уголовному закону, своим уголовно-правовым обязанностям и правам потерпевшего. Он не властен по своему желанию не только прекратить отношения уголовной ответственности, но и в индивидуальном порядке возложить ее на себя.

Все это говорит о том, что своеобразие юридической ответственности невозможно понять в отрыве от права, элементом которого она является. Поэтому как бы ни были привлекательны различные философско-социологические, культурологические, психологические и иные концепции ответственности, они все же не могут заменить собой юридического понятия ответственности, отражающего особенности правовой регуляции социального поведения.

### Список библиографических ссылок

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон РФ от 16 сентября 2003 г. № 131-ФЗ (с изм. и доп. на 2008 г.). М., 2008.
2. Обзор основных точек зрения по этому вопросу см., напр.: Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р. Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004. С. 14—63.
3. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 254.
4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009.
5. Теория государства и права: учебник / под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. М., 2005.
6. Бондарев А. С. Юридическая ответственность — исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 134.
7. Там же. С. 136.
8. Там же. С. 136, 143.
9. Бондарев А. С. Юридическая ответственность — исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. №1. С. 136.
10. Там же. С. 93.
11. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред., предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 166.
12. Там же. С. 166.
13. Там же. С. 176—177.
14. Соловьев В. С. Оправдание добра: нравственная философия. М., 1996. С. 330.
15. Бабаев В. К. Правовая система общества // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 107.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 14.
17. Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4 (2). С. 126.
18. Соловьев В. С. Оправдание добра. С. 331.
19. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001. С. 266.